

такое же *комментированное* изданіе, напр., Жуковского, кн. Вяземскаго, Гнѣдича или иного писателя той поры? Между прочимъ особая, богатая фактами біографія посвящена А. И. Тургеневу (I, стр. 355—372, въ прим.), хотя для объясненія его отношеній къ Батюшкову всѣ эти подробности нисколько не требовались. Невольно приходитъ мысль, что еслибы авторъ этихъ біографій, не руководясь случайнымъ поводомъ изданія, прямо остановился на цѣлой эпохѣ и собралъ жизнеописанія ея дѣятелей съ тѣмъ богатствомъ бібліографическихъ данныхъ и справокъ, какія находятся у него подъ руками, его трудъ имѣлъ бы болѣе цѣльный и мотивированный характеръ и больше достигъ бы цѣли—распространенія свѣденій о данной эпохѣ.

Преувеличеніе комментарія въ настоящемъ случаѣ является не въ первый разъ; примѣръ поданъ былъ комментариемъ г. Грота къ Державину. Какъ извѣстно, этотъ комментарий даетъ множество разнообразныхъ подробностей не только о Державинѣ, но по поводу его о множествѣ лицъ и фактовъ того времени. Излишество было и здѣсь, но по крайней мѣрѣ Державинъ былъ господствующимъ лицомъ своей эпохи, чего нельзя сказать о Батюшковѣ. Эта неравномѣрность историко-литературной работы указываетъ вообще на чрезвычайную неровность нашихъ изслѣдованій въ этой области; комментированныя подобнымъ образомъ изданія являются случайностью. Изъ XVIII-го вѣка такого изданія удостоился Державинъ,—но сочиненія Ломоносова, несмотря на его огромное историческое значеніе въ судьбахъ русской литературы и образованія, остаются до сихъ поръ несобранными сколько-нибудь полнымъ и разумнымъ образомъ. Въ нашемъ вѣкѣ мы имѣемъ подробно комментированнаго Батюшкова, но не имѣемъ комментированнаго Жуковского, Пушкина, Гоголя. Но потребность изслѣдованія подробностей уже развилась, и приводитъ къ этому неравномѣрному распредѣленію историко-литературнаго матеріала, собираемаго въ качествѣ комментарія.

А. Пыпинъ.

